

ШЕСТЬ ПИСЕМ Г.Ф. ПУХТЫ К Ф.К. САВИНЬИ

1. (восьмое письмо)

Эрланген, 1 мая 1828 г.

Ваше Высокородие,

возможно, не знает, что Ваша супруга при отъезде отсюда (6) дала мне разрешение писать Вам так часто, как мне хочется. К причинам, по которым я воспользовался этим разрешением не раньше, чем сейчас, по прошествии полугода, относится, главным образом, то, что я был твердо уверен, что смогу написать настоящее письмо намного раньше, примерно уже к Рождеству.

В известиях о Вашем самочувствии, пусть самых общих, но также и утешительных, у меня вплоть до последних месяцев не было недостатка, но, разумеется, чтобы достичь нас, они должны были сделать крюк через Гёттинген (7) или даже Бонн (8). Уже несколько месяцев моя переписка с этими городами застопорилась, и я хотел бы надеяться, что это не по моей вине. По крайней мере, Гуго все же простил мне рецензию на свою последнюю тетрадь в «Historische Jahrbücher», правда, я еще во время ее написания даже не думал, что она нуждается в прощении. Теперь же, например, Циммерн (9) из Йены пишет мне, что она несколько «студенческая» (*burschikos*).

Скорее должен я просить прощения у Вашего Высокородия за другое сочинение, которое выйдет в свет в последней тетради «Rheinisches Museum» по поводу статьи Тибо (10) об *interdictum quorum bonorum* (11). Я не хочу ни на кого возлагать вину, если в настоящей *intemperantia literarum* (12) вмешался во все то, что меня не касается. Но если — в чем вовсе не сомневаюсь — есть что-то вызывающее смех в том, что я так близко принимаю к сердцу все, что касается Вас, то я с большой уверенностью надеюсь, что это смешное относится только ко мне.

В конце концов, я все же оставляю желание полемизировать, поскольку я в этом году достигну тридцатилетия, откажусь именно от такой негативной полемики, посредством которой ничто не получает развития и которая так крепко связала меня, как и многих детей моего времени. Сочинения, опубликованные моими сверстниками, тоже напоминают мне, что я до сего дня ничего не достиг. Так позвольте мне поздравить Вас с таким учеником, как Келлер (13), чей труд мне действительно полюбился. В дальнейшем у меня будет куда более определенное понятие об исторической школе: это школа, в которой есть такие ученики.

В нашем университете сейчас значительно меньше студентов-юристов, чем один-два года назад, больше всего таких, которые только слушают курс римского права, в то время как по прослушивании Пандектов все больше студентов уезжает. Но и их становится все меньше, и из тех, кем я руковожу, по крайней мере лучшие уходят после сдачи экзамена по римскому праву. В этом семестре у меня было 15 слушателей в курсе Институций и 15 в курсе «Толкования некоторых положений Дигест», в то время как обычно институции у меня слушали человек 20—30. Большого здесь, конечно, невозможно добиться. Из Мюнхена слышно, что

Гёшен согласился (14). Впрочем, это пока только со слов г. фон Шунка (15). Это было бы, наконец, хоть что-то отрадное. Я постепенно начинаю считать за счастье переезд в Мюнхен.

Как я тому ни противлюсь, мне все же приходится, в конце концов, перейти к еще одному поводу, подвигнувшему меня к написанию данного письма, поводу, который меня не радует (по крайней мере для этого я достаточно умен). Настоящее письмо — анонс первой части моего сочинения об обычном праве, которое Ваше Высочородие получит через книготорговца; поскольку не послать его Вам было бы неуместным. Если Ваше самочувствие не дает Вам возможности читать подобные сочинения, то на сей раз я готов благословить это недомогание. Оно поможет Вам сохранить обо мне хорошее мнение. Не сочтите это за излишнюю скромность, которую невозможно высказать без глупостей; наоборот, я столь нескромен, полагая, что местами, особенно в первой части, книга хороша. К тому же предыдущие сочинения об этих материях, включая разделы в компендиумах, не столь совершенны, чтобы мое не могло бы встать рядом с ними. Но из-за этого все целиком все же может быть низким по качеству, и в любом случае оно стыдится перед человеком, который проявил участие по отношению к автору и даже однажды выразил ему надежду на то, что он мог бы стать хорошим писателем. Впрочем, о случившемся по крайней мере тот, благодаря кому оно случилось, имеет обыкновение говорить только самое хорошее. Я теряю покой, опасаясь, что сочинение может быть прочитано такими людьми, как Вы, Гуго и Хассе, т.е. теми, в отношении которых я хотел бы, чтобы они обратили на меня внимание в том, что имеет отношение к науке.

Простите мне эти сердечные излияния. Возможно, я слишком подавлен, что не способствует продвижению вперед, в этом я полная противоположность моему другу Платену (16), если верно то, что Вы сказали о нем в Неаполе, и что он услышал и не забыл Вам; а именно что, он слишком самонадеян. Обе крайности, его изьян, как и мой, состоят в том, что в обоих случаях слишком много говорят о себе.

С просьбой передать поклон Вашей дражайшей супруге и с искренним желанием Вашего благополучия

преданный Вашему Высочородию
Г.Ф. Пухта

2. (тринадцатое письмо)

Мюнхен, 17 августа 1829 г.

Благодарю Вас, досточтимый господин тайный советник, за заслуженный урок, который Вы преподали мне в Вашем драгоценном письме от 4 июля...

Против отдельных возражений я не буду протестовать, например, Вы говорите: «но я должен совершенно отвергнуть, что посредством этой интерпретации совершенно теряется претензия на звание юриста» (что, разумеется, не может говориться об одной-единственной интерпретации), поскольку я способен понять, что в том, от чего это здесь зависит, Вы столь совершенно правы, как только мож-

но быть правым. Вы могли бы еще прибавить, что же осталось бы от моей персоны, если бы кто-то пожелал рассмотреть мои достижения со строгостью, хотя бы наполовину меньшей той, какую я нашел уместным проявить в отношении того сочинения? — И если Кленце (17) высказывает несколько неосторожное мнение о себе самом в противоположность другим научным разработкам (по отношению к которым я, впрочем, безучастен), а его друзья наносят ему ущерб распространением и, вероятно, также усугублением этого мнения, приписывая ему высказывания против способностей и знаний других, которые совершенно не радуют, то и здесь от меня можно было бы потребовать вытащить сначала бревно из моего глаза.

Через книготорговца Вы получите маленький учебник по Институциям, который я опубликовал в течение этого семестра (18). Из 9 с половиной листов, которыми это ограничивается, 3 с половиной приходится на вступление, которое потому так велико, что содержит более подробное развитие некоторых изложенных в книге воззрений. Попытка примирения, которую я предпринял в конце последнего примечания к вступлению по отношению к Лёру (19), касается следующего. Я опубликовал в «Rheinische Museum» разъяснение L. 14 de test. tut. (20), противоположное данному Вами в «Призвании». Лёр говорит (как мне передал состоящий с ним в переписке Циммерн), что он давно уже изложил точно такую же в своем журнале. Но вместо того, чтобы обвинить меня в незнании литературы, для чего он имел основания, он считает, что я сознательно не упомянул его, а другой друг по переписке Циммерна приводит это в качестве примера заносчивости (Vornehmigkeit) известной школы, и далее все та же старая песня. Будь я действительно тем, за кого меня принимают, то я без сомнения самым необходимым образом позаимствовал бы идею освободить мое знание от упрека за счет моего характера. К тому же эта «заносчивость» представляет собой нечто, чем мы обязаны евреям (21); в самом деле, христиане почли бы себя слишком «благородными», чтобы упрекать другого подобным образом. Это напоминает мне о том, что в обычной жизни упреки в высокомерии преследуют меня повсюду, а именно в обществе равных мне, и притом в обстоятельствах, повергающих меня в полное отчаяние, поскольку я не в состоянии понять, где кроется изъян и в чем, стало быть, мой образ мыслей или мое поведение требуют улучшения, в обстоятельствах, когда мне совершенно не в чем себя упрекнуть, разве только в том, что я не вешаюсь каждому на шею, как доброму родственнику, и не клянусь ему в вечной дружбе, а это не назовет высокомерием ни один разумный человек.

С Вашими высказываниями о Платене, хотя меня и сильно обрадовала Ваше благоволение к «Эдипу» (22), я не могу вполне согласиться. Пожалуй, лишь в той мере, в какой я и сам желал бы, чтобы он перешел к другому жанру, как и он сам с момента окончания «Эдипа» подумывает о другом произведении — эпосе о Гогенштауфенах. Но если Вы выражаете свое неудовольствие по отношению к его сатирическим комедиям, говоря: «лучше бы он написал „собственную“ комедию, чем злоупотреблять поэзией в потасовках со столь недостойными субъектами»; то это, по-видимому, предполагает, что «Эдип» и «Вилка» не были «собст-

венными» комедиями, что меня удивляет, ибо хотел бы я знать немецкую комедию, которая могла бы хоть отдаленно сравнима с «Эдипом». Или сатира уже из-за своего сюжета должна вообще потерять качество оригинальности и притяжение на него? Тогда, в конце концов, Аристофан тоже не написал ни одной собственной комедии. Но утверждать, что сюжет Платена, немецкие трагики, настолько вульгарен, что к нему невозможно прикоснуться, не замаравшись — такое утверждение многое вместило бы в себя. Какой же немец не должен был бы удалиться в пустыню, если восхищение немецкой публики отдано таким субъектам? И может ли такой поэт, как Платен, все существо которого проникнуто поэзией, спастись от разрушительной мысли, что принадлежит к столь пошлому и безрассудному народу, иначе, нежели тем, что осветит и покроет золотом тех убогих идолов толпы (по крайней мере толпы критиков) чарами своего таланта, или, скорее, займется ими и примет их в круг своих драматических образов, превращая в золото, подобно волшебной лампе в сказке Гёте? — Вы, конечно, совершенно правы, если выражение, которое вы используете, верно: «что он *спорит* (*herumschlagen*) со столь жалкими объектами». Но я признаю, что мне этот предикат «спорить» при чтении «Эдипа» никогда бы не пришел на ум, и я действительно считаю это столь же неуместным, как если бы кто-то захотел сказать, будто Шеллинг спорил с Якоби или Вы — с Гённером. Но то, какую облагораживающую силу имеют слова поэта, остроумно подтвердил старый Бёттигер, который в своей писанине недавно по случаю Эдипа сравнил Иммермана и Раупаха (23) с Эврипидом, а себя самого, без всякого сомнения, пусть и молча — с Сократом.

Несколько дней назад я увидел тут замечательного Фёрстера (24), который очутился здесь в совершенно незнакомом мире и странных затруднениях, в которых такой человек, как он, должен запутаться, когда увидит, что его купюры, которыми он обычно оплачивал свои развлечения, вдруг стали недействительны. После шеллинговской лекции, в которой фигурировали некоторые превосходные штрихи к портрету гегелевской философии, я вечером увидел его у Шеллинга. Там он среди прочего многозначительно начал: «Шеллингу было бы интересно узнать, что Гегель в этом году избран ректором». Шеллинг ответил, что его удивляет не то, что Гегеля избрали, а то, что тот это допустил. Все же Фёрстер должен был подогреть интерес к делу и заговорил об интригах. Но когда это тоже не произвело впечатления, и никто не проявил большего интереса, чем раньше, то он, в конце концов, в отчаянии сказал: «Да, и это принесет много денег!» Также он имел наглость выразить желание продемонстрировать Шеллингу на основании единственной лекции всю его систему мифологии и откровения, на что Шеллинг с присущим ему человеколюбием не возразил ему ничего кроме: «Все как раз и зависит от того, как представлять себе христианство». Фёрстер убеждал меня, когда мы уходили, что Ганс (25) очень любезный человек, не считая его еврейских шуточек и высокомерия; я, мол, вступил с ним в спор случайно, и он, конечно, подчас примешивает слишком много философии в юриспруденцию. Я же, однако, заверил его, напротив, что мой случай прямо противоположный: я нахожу не слишком много философии в сочинениях Ганса, а слишком мало;

и смею полагать, что на сегодняшний день представляю собой лучшего гегельянца, чем Ганс, если, конечно, свойство гегельянца не состоит в том, чтобы считать каждую букву из Гегеля Евангелием, в чем Ганс, на мой взгляд, уже сделал все возможное, и т.д. Несмотря на это, мы расстались в мире, он, без сомнения, преисполненный жалости ко мне, а я — жалости к Берлину, который сейчас позорят вот такие мелкие подмастерья.

Мой (а также Шеллинга) прилежнейший и талантливый слушатель фон Бехтольдсхайм приезжает этой осенью в Берлин. Если он запишется к Вам, и Вы найдете несколько минут, чтобы дать ему указания относительно характера его обучения, то Вы бы меня очень обязали, а в нем нашли бы благодатную почву, вполне достойную того, чтобы принять в себя такое семя.

С неизменным почтением
преданнейший Вашему Высокородию
Пухта

3. (сорок первое письмо Пухты к Савиньи)

Лейпциг, 16 марта 1839 г.

Ваше письмо, досточтимый господин тайный советник, совершенно успокоило мое опасение, что я надоел Вам болтовней в своих письмах. То, что Вы в своих ответах не высказываетесь подробно обо всем, вполне естественно, и даже желательно для меня, поскольку противоположная максима неизбежно задержала бы Ваш ответ, и я был бы ограничен в том наслаждении, которое доставляет мне каждая строка, написанная Вашей рукой, или вовсе его лишен. Единственный недостаток, который я в этом вижу, состоит в том, что Вы должны слушать одно и то же по нескольку раз, когда я забываю, что я до этого уже говорил о каком-либо деле. Это изъян, который Вас задевает, но который сможет перенести Ваше человеколюбие...

Ваше письмо не могло содержать ничего лучшего для меня, чем то, что теперь уже речь идет об издании Вашего труда и его заглавии (26). Что касается первого пункта, я считаю владельца книжного магазина Хинриха — Роста — очень подходящим партнером. Это очень широко известная книжная лавка из-за «Хинрихского каталога», связанного со всеми магазинами такого рода, и, по всеобщему мнению, вполне солидная. Жалуются только на то, что он несколько навязчив с посылкой новинок (люди здесь не любят книготорговлю, покупки всех моих коллег-юристов я берушь покрыть ежегодным взносом в 80 талеров, и при этом еще останусь в выигрыше), но это изъян, который ни один партнер не сочтет непростительным. Если Вы желаете более точных сведений, то я мог бы навести справки, ничего конкретного не говоря о самом деле.

Из шести претендентов на название я решительно возражаю против номеров 2 и 5: «Справочник по праву Пандект (современного римского права)». Такой труд, как Ваш, заслуживает иного имени, нежели заурядное «Справочник», которое, собственно, больше похоже не на заглавие, а на рубрику в каталоге. Это было бы похоже на то, как если бы кто-то, собираясь крестить ребенка, назвал бы

его «Человек», «Европеец» или подобным образом. Это то же самое, что мне не нравится в названии «Журнал» (27). Конечно, то, что пользуется спросом, не всегда красиво, но ведь и то, что не пользуется спросом, тоже. На мой взгляд, считать простое стильным (*geschmackvoll*) — это дурной тон. Также я против номеров 1 и 4 «Право Пандект» («Современное римское право»). Это слишком скучно и при печати его будет плохо видно на титульном листе.

Итак, если я должен выбирать из этих шести, то это были бы номера 3 и 6, «Система». Слово «система» имеет много положительных сторон в добром старом значении, когда оно не мыслится только как систематизация; системно можно о чем-то размышлять. Но тем, что за этим следует, я не доволен: ни в коем случае не «права Пандект»; этого не поймет ни один иностранец, да и мы сами были бы немногим хуже, если бы это название и нам показалось непонятным. Давайте оставим Тибо и Мюленбруху (28) их «Право Пандект», не будем вмешиваться в дележ этого наследства. «Современного римского права»? Маккельдей (29) меня не слушает; я считаю это «современное» не совсем удачным. Эти два прилагательных на титульном листе мне не нравятся. И то, что с их помощью должно быть сказано, по-моему, выражено вовсе не хорошо и недостаточно характерно. Если мысль, что римское право должно быть изложено применительно к нашим юридическим нуждам, непременно должна найти свое место на титульном листе, то лучше было бы выразить ее словом, обозначающим *рассмотрение*, а не *предмет* этого рассмотрения. Почему не «Система римского права»? Конечно, Вы объявляете войну применению этого права во многих важных случаях; как раз свобода Ваших взглядов относительно определяющей нас силы его содержания, а также, и даже в большей мере, самостоятельная позиция по отношению к *его* изобретателям, будут относиться к тем свойствам этого труда, в силу которых он составит эпоху в нашей юриспруденции (насколько Вы дали мне возможность ознакомиться со своим трудом, я догадываюсь об этом). Если не последнее, то первое из названных свойств могло бы сделать желательным небольшое видоизменение названия. Для французского перевода книги я не был бы в затруднении, он должен, по моему мнению, носить заглавие: «*Esprit du droit romain*» (30). Но я бы всегда предпочитал приписку «в его современном употреблении» «современному» римскому праву; первое настолько превосходит второе, как Швеппе Маккельдея (31).

Я обдумал набросанное Вами на данный момент содержание: I. Источники права, II. Правовые отношения, III. Применение положений права к правовым отношениям, как замкнутое целое, к которому свободно примыкают детали правовых отношений. Вы ведь не возьмете заглавие «общая часть» для первых трех разделов? Не нужно особого названия, можно было бы, я думаю, выпускать их в свет как первую, вторую и третью книгу «Системы» без дальнейших пояснений.

Ваше решение дать экскурсы в отдельных томах Вы мотивировали во время моего последнего пребывания в Берлине удобством цитирования. Я не знаю, будет ли это удобство цитирования увеличено тем, что цитировать придется две книги.

Но для использования мне представляется более желательным поместить то, что относится к одной теме, в одном томе.

Не забудьте вычеркнуть общие цитаты из «Пандект» Мюленбруха. Как бы много времени это ни заняло, это была бы *referens sine relato* (32). Я надеюсь, мы еще доживем до того момента, когда этим убудочным межеумкам между учебником и комментарием свернут шею. Если Вангеров (33) или кто-нибудь другой последуют совету, который я хочу дать ему в анонсе на его «Очерк» (34), совету написать современное *jus civ. controversum*, то на мельнице Мюленбруха случится сильный обвал (35), поскольку отсутствие такового и создает ему большинство потребителей.

Гуго пишет мне, что Мюленбрух в анонсе своего учебника в «Hall.A.L.Z.» (36) написал, что будто бы я сам объявил его книгу лучшей в предисловии к своей собственной. Мне даже хочется поправить это высказывание. Гуго сказал, *Ref. имеет clausula salutaris: si quid melius supplirt.*

Только со времени моего последнего письма я получил более близкое представление о сочинении Ганса (37). К своему удивлению я обнаружил, что 1) он, возражая мне, ссылается на реторсионное право, что он 2) о моих взглядах не говорит почти ничего, и, наконец, 3) что его нынешние взгляды по основному вопросу совпадают с моими. Я почувствовал себя, как скряга, который увидел, как обезьяна выбросила его деньги в окно. Все это показалось мне заслуживающим небольшого публичного предостережения (38). Иначе я не уверен, не выступит ли этот *escamoteur* (39) через пару лет с обвинением, что я, с самого начала выступавший его самым непримиримым противником, кончил тем, что его же и обокрал.

...

После статьи в «Allgemeine Zeitung» здесь исключительное литературное брожение. Три факта, которые должны это доказать, следующие: 1) доктор Юлиус, кажется, из Гамбурга, сдал в печать произведение о Северной Америке, 2) г. фон Раумер был здесь проездом, 3) Хенель (40) постоянно работает над своим *codex theodosianus!* Для того, чтобы увеличить этот литературный беспорядок, я добавлю к нему 4) то, что я взял, написал и сдал в печать для юридического словаря, начатого проф. Вайске, статью о владении, *Ilis ne post, no secundum homerum* (41). Да, мы явим себя в Саксонии сильными.

Позвольте принести Вам наилучшие пожелания

от Вашего неизменного почитателя

Пухты

В обзоре нескольких знаменитых писателей, написанном под Новый Год, мы забыли одного человека, о котором я хотел услышать Ваше мнение, Франке (42). Возможно я несправедлив по отношению к нему, но мне кажется, что он относится к самым неуклюжим покровителям (*Patron*), которые выставили себя, как жерди для сушки белья на стиральной площадке нашей юридической литературы. Мы ничего не сделали друг другу, но у меня мурашки по коже, когда я беру в руки его книгу... У него можно многому поучиться, но на вкус это — ремень. Хушке

(43) в анонсе Фабрициуса упоминает о его «превосходном субститутивном праве». Этот предикат мне совершенно непонятен. Взгляните на его сочинение в первой тетради 21 тома о доказательстве при негаторных исках, а именно, на первые три страницы: (содранное с Тибо) сетование на непрактичных авторов; ожидается, конечно, и осуждение новых взглядов; Боже сохрани, он жалуется на взгляд, в соответствии с которым истец, по его мнению, должен доказать свободу собственности. Это даже не пьяница, оплакивавший смерть славного Цицерона. «Листки» Тибо (44) произрастают от гнилого ствола, но это все-таки листья (45), здесь чистое... (46)

4. (сорок третье письмо)

Лейпциг, 7 мая 1839 г.

Шталь (47) как преподаватель, насколько я знаю, обладает значительным воздействием, он знает, как оживить своих слушателей, заинтересовать и, я не сомневаюсь, удержать. Его лекциями по философии права, по государственному праву, здесь, в Эрлангене, интересовались также и не студенты и, как мне сказали, даже посещали их. Кроме вышеуказанных курсов, он читает также церковное право. Сейчас ему, как Disgrace (48) последнего ландтага, запрещено чтение государственного права; вместо этого ему навязали гражданский процесс (49), для чтения которого он совершенно не подходит. Он протестант, еврей по происхождению, но один из тех немногих, которые ничем не напоминают нам своих сородичей. Его жалование, без сомнения, мало, оно точно не превышает 1200 гульденов. Несмотря на это, он два года назад отверг приглашение из Марбурга занять место в 2400 талеров, я думаю, из-за привязанности к тем кругам, в которых он вращается. Сейчас, после того, как политические мечтания о благоприятном воздействии сословного представительства и т.п. рассеялись, он, вероятно, будет не столь упертым. Значительные доходы его не изменят. Шмидтлейн, который является его близким другом уже с Мюнхена, мог бы предоставить Вам точные сведения, по крайней мере, о его намерении покинуть Эрланген.

Другого «несомненно превосходного публициста»? Кроме Альбрехта (50), с которым Вы не хотите иметь дело до тех пор, пока ганноверские дела тем или иным образом не утихнут, я никого не знаю.

Шталь, на мой несовершенный взгляд, был бы для Пруссии бесценен, как преподаватель. Даже то, что я принимал за его ошибки, было бы там лекарством. Это дело меня так сильно интересует, что я, если дело дойдет до приглашения, охотно пожелал бы убедить его в важности и приемлемости этого предложения.

Варнкёниг (51), который опять написал «Естественное право» (52) и, в то же самое время, «Приготовительную школу» (53), в последнем произведении, когда его наборщик превратил хрониста в курфюрста, предпринял многочисленные социальные возвышения: например, в ряды полководцев науки, которые непосредственно следуют за Вами, зачислен *Бухер* (54) (я долго рассматривал имя Хассе, который стоит рядом с ним, чтобы видеть, не перевернется ли оно), а в «великолепные авторы по гражданскому праву», которые сейчас преподают в Герма-

нии — Грюндлер (55) в Эрлангене. Если я правильно помню, поскольку я снова быстро избавился от этой книги, римская история тоже рассказана весьма назидательно (*erbaulich*). Я вижу, что этот человек в знании истории обладает такой основательностью, которая восхищала меня в его мышлении.

Ваше одобрение обеих моих рецензий настолько сладостно, что я не прочь поддаться искушению принять это за свой талант, а потому я последую Вашему предложению написать рецензию на Кирульфа (56). Вот только не знаю, какую из различных мыслей, вызываемых этой книгой, я особенно выделил в письме к Вам. Возможно, у Вас еще осталось это письмо, и Вы вырежете мне отрывок или поручите Вашему секретарю выписать его, чтобы я ненароком не сфокусировался на каком-то другом пункте.

И еще кое-что! Недавно я получил от него приглашение в «Фемиду» (57), поскольку я, по его словам, совершенно согласен с «планом» (с особым господством «норм римского права»), он находит в моих исследованиях родную стихию, а также еще со студенческих лет уделял особое внимание обычному праву, однако пришел (вот счастье) к некоторым отличным от моих результатам: здравомыслящие действительно должны в эти времена держаться вместе. Если бы только здравомыслящие все же спрашивали друг у друга совета прежде, чем они что-то опубликуют...

Смерть Ганса (58), которого я так хорошо знал, дала мне свой урок. Буквально сейчас выйдет апрельская тетрадь с анонсом его ответа. Мне не в чем упрекнуть себя, если мерить обычной меркой, поскольку я только отверг его собственность, которую он хотел приписать мне, применяя репрессалии, и указал на то, что его воззрение принадлежит мне; но те формулировки, которые повсюду встречаются в тексте, предполагают его живущим. Как хорошо было бы, если бы люди не забывали, что имеют дело с умершими. Теперь будет особенно неприятно задевать холодность, которую я противопоставляю его оскорблению.

Я жажду удовлетворительного известия о публикации Вашей книги. Сохраните для меня маленькую частичку своей благосклонности, *ille enim terrarum mihi praeter omnes angulus ridet* (59).

Пухта

15. (пятьдесят первое письмо)

Лейпциг, 5 апреля 1840 г.

С момента получения Вашего последнего письма от 10 числа прошлого месяца я решил собрать свои фрагменты по церковному праву, объединить их и попытаться свести в определенное целое, которому, как бы ни был мал объем, возможно, следовало бы дать заглавие «Введение в протестантское церковное право» (60), поскольку оно, прежде всего, обещает дать только основы, раскрытие отдельных положений во многом предоставлено на усмотрение автору. Если я и был подвигнут к этому Вашим ободрением, то я ни в коем случае не хотел бы Вас делать за это ответственным. То, что до сих пор передо мной лежит, кажется мне не просто несовершенным, но несовершенным в такой мере, что я еще колеб-

люсь между решениями издать его или попридержать, и, в конце концов, буду вынужден утешать себя только тем, что паспорта в нашей литературе не так подробно осматриваются.

После книги Шталя (61) кое-что можно выбросить из того, что иначе должно было бы быть включено. Но я не могу согласиться с тем, каким образом он выдвигает на первый план содержание проповедников за счет общины; я не считаю, что это наша задача — возвращать евангельскую систему; я не верю, что времена, непосредственно следовавшие за Реформацией — наш идеал, или, по крайней мере, должны быть таковыми. Я также не считаю, что «положение князей по отношению к Церкви — это кардинальный пункт протестантского восприятия Церкви», и даже если бы это было верно в определенном смысле и с особым ударением на предикат «протестантское», то и тогда мое мнение было бы таково, что это «протестантское восприятие Церкви» является совсем не тем, что в настоящий момент активно обсуждают.

Последнее издание первого тома «Системы» произвело на меня такое же впечатление, как и предыдущее, причем оно еще более усилилось. Вступление неординарное. Пришлите же мне экземпляр, как Вы прислали Марецоллю (62), он очень мил, куда симпатичнее, чем я сам мог бы себе изготовить. Возможно, его захватит с собой Рудорфф (63), который обещал ко мне захватить.

Сегодня вечером я жду Голльвега, который, впрочем, уже завтра снова уедет на Рейн, но, тем не менее, его короткое пребывание бесконечно насладит меня.

Если опубликование Ваших писем к Гансу исходило из соображений выгоды для него и невыгоды для Вас, то он, как этого заслуживают такие люди, своим опубликованием, отвергнутым Вами, произвел результат, противоположный тому, на который рассчитывал. Кому в этой ситуации есть дело до правды, тот может поймать ее здесь голыми руками. В газетах я почитал об оправдании смертной казни, описанном Велькером (64), представителем баденских сословий, которое превосходит все, что мне известно из этого остроумного писателя (который, как Вы знаете, хочет истребовать все, что было написано в последние десятилетия, как свою собственность): посредством государственного договора каждый берется принести свою жизнь в жертву даже без вины, если несчастливое стечение обстоятельств введет судью в заблуждение.

Пребывающий в благодарном почтении
Пухта

14. (пятьдесят седьмое письмо)

Лейпциг, 3 августа 1840 г.

То, что я так долго не получал от Вас писем, несколько напугало меня; наполовину меня утешило начало Вашего последнего письма, в котором Вы написали мне, что мое сочинение отложено ради Ваших собственных работ (ради такой награды я должен запастись терпением на год); наконец, меня совершенно успокоили любовь и доброта, которые Вы мне этим письмом выражаете и за которые я Вам тысячу раз благодарен. Эта благодарность простирается также и на Ваше

увещевание прекратить внешние разногласия со Шталем; как только появится возможность, это увещевание принесет свои плоды.

Позвольте мне кое-что возразить на некоторые опасения. Стр. 22 совершенно не является моим намерением преувеличивать терпимость Вестфальского мира, наоборот, я, скорее, хочу показать, что в него вкладывали слишком много, а именно рецепцию религий, в то время как он содержит только репробацию, правда, с отказом от известных средств их отправления. Право «пребывания» совместимо с принудительной эмиграцией (I.P.O.V. 36), а равенство гражданских прав (V. 35) — с невозможностью собственности на землю, постольку это последнее имеет политическую сторону, сообразно чему католик и реформированный протестант до 1806 г. имеют в Саксонии так называемых ленников. Употреблением выражения «равенство гражданских прав» я выразился не сильнее, чем цитированный § 35, но и намеренно не мягко, чтобы в угоду моей теме не преуменьшать то, что можно рассматривать как отдельный предмет.

Стр. 25: то, что все религии основываются на божественном откровении, а некоторые до неузнаваемости искаженном, я не отрицаю в том смысле, в котором это согласуется с моим понятием естественной религии. Такой смысл действительно есть: разве не должен всякий возводить генеалогию религиозных убеждений к первым людям, которым было дано откровение, а эти повторяющиеся откровения люди перенесли в народные объединения. Но то, что делает особенными все остальные религии, кроме иудейской и христианской, покоится не на откровении («Он в прошедших родах попустил всем народам ходить своими путями» (Деян., 14:16)). Я не вижу, где проходит различие между нами; Вы тоже должны где-нибудь остановиться, поскольку и Вы не хотите отказываться от понятия религии откровения. Вы требуете «очень небольшого пространства для игры мыслей, без страха за чистую решительную христианскую веру», и называете только Папу Римского, которого каждый человек имеет в себе. Я признаю это и хочу одобрить; у меня есть причины благословить эту мысль, но неужели прямо в этом месте моего сочинения? Это то, что мне непонятно, определенно не из недостатка доброй воли, ваши слова и здесь для меня очень авторитетны. Большинство людей слишком тверды или слишком мягки и должны с годами смягчиться или очерстветь. Вы же, напротив, одарены от Бога счастливой и редкой мерой, гармония которой не меняется со временем...

Последние листы второго тома дошли неповрежденными. Он лежит передо мной переплетенный. Рецензия написана вплоть до учения о юридических лицах. Публикация для августовской тетради начнется через несколько дней. Я даю им заглавие: 1 и 2 том. После обобщающего введения (я боюсь, что оно не получит Вашего одобрения) помещено замечание, что обзор содержания первого тома взял на себя другой коллега. Шрётера (65) я не могу ждать. Я зол на его медлительность, поскольку именно я виноват в том, что он получил этот заказ, и он раздражал бы меня еще сильнее, если бы в первом томе вместо обычного права и системы, перед которыми я испытываю робость, говорилось бы, например, о бесчестии. Из *capitis deminutio* (66) я многому научился, но в результате я снова испытываю

затруднение. Приложение VII написано восхитительно, оно для меня — словно возлюбленная, на которую я никак не нагляжусь, — это сравнение исходит у меня от самого сердца, хотя, конечно, оно вызвано не предметом исследования. Рецензии Гуго и Рудорффа я не читал, хотя первый пришлет мне свою, а второй должен ее сделать, поскольку он знает, что я больше не читаю литературных газет.

Вы не будете в Дрездене в этом году? Я обещал моей жене, которая еще там не была, свозить ее туда на пару дней во время каникул, и, возможно, мы заедем еще в Богемию, где я тоже еще не был, несмотря на то, что я, без сомнения, происхожу из этой страны, которую вследствие «терпимости» Вестфальского мира покинули мои предки (67).

...

Рассказывал ли я Вам о книге, с замыслом которой я ношусь уже много лет и которую несколько месяцев назад начал писать? Это «Курс институций» в двух томах (каждый со своим особым названием), первый должен содержать: I. Энциклопедическое (а также философское) введение, II. Историю римского права (так называемую внешнюю историю права), а второй — III. Систему и историю римского частного права, IV. Историю римского гражданского процесса. Это не учебник, а то, что французы называют Cours. На данный момент я написал I, а из II первый и большую часть второго периода (68).

За пределами Лейпцига эта мысль никогда не дошла бы до реализации, хотя она уже давно у меня была. Я имею в виду не только атмосферу Лейпцига вообще, о которой Шеллинг утверждает, что по его собственному опыту невозможно было бы заниматься конкретным предметом, не ощутив немедленно тяги к написанию, но также и отвращение при мысли стать *слушателем* моих слов, которое раньше демонстрировали студенты. Хотя теперь я не могу жаловаться на число своих слушателей, но середнячки и ниже, которые прибавились теперь, принесли мне в нынешнем семестре много хлопот и беспокойства, я часто сдерживаю на кафедре лучшие мысли, чтобы не видеть их разбитыми об эти каменные лица; поэтому письмо для меня — своего рода надежда и компенсация за полагаемое мною гораздо более высоким устное выступление. Я никогда так не падал духом, как в этом семестре. Либо это вызвано воображением, либо истиной, в обоих случаях мое положение незавидное.

...

Первые листы рецензии в наборе.

Ваш неизменный почитатель

Пухта

из Кадольсбурга во Франконии, четыре часа от Эрлангена, три от Нюрнберга, четыре от Ансбаха; впрочем, я забыл, что Вы хотели бы знать только имя, а не место.

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) Перевод осуществлен по изданию Bohnert J. *Vierzehn Briefe Puchtas an Savigny // Nachrichten der Akademie der Wissenschaften in Göttingen. I. Philologisch-historische Klasse.* — Göttingen, 1979. — Nr. 2. — S. 21—65.

- (2) Помимо основополагающей отечественной работы П.И. Новгородцева (*Новгородцев П.И. Историческая школа юристов, ее происхождение и судьба. Опыт характеристики основ школы Савиньи в их последовательном развитии.* — М., 1896.) см. также: *Муромцев С.А. Что такое догма права // Юридический вестник.* — М., 1884. — Кн. 4. *Трубецкой Е.Н. Лекции по истории философии права // Труды по философии права.* — СПб., 2001.
- (3) Среди новейших исследований см.: *Mecke Ch.-E. Begriff und System des Rechts bei Georg Friedrich Puchta.* — Göttingen, 2009. *Schermaul S. Georg Friedrich Puchta — Leben und Werk.* — Norderstedt, 2009.
- (4) В качестве примера см.: *Strauch G. Deutsche Juristen im Vormärz: Briefe von Savigny, Hugo, Thibaut u. anderen an Egid von Löhr.* — Köln, 1999. *Reifenberg B. «mein lieber theurer Freund...»: F.K. von Savignys Briefe an Johann Friedrich Ludvig Göschen.* — Marburg, 2000.
- (5) Поскольку многие из указанных в письмах имен и исторических обстоятельств по разным причинам оказались забыты, в сносках даны некоторые пояснения, представляющие собой авторскую переработку и дополнение комментария, данного в издании Й. Бонерта.
- (6) Савиньи в 1826—1827 гг. на обратном пути из Италии делал остановку в Эрлангене и там встречался с Пухтой, которого он мог лично знать только по краткому пребыванию Пухты в Берлине в 1821 г.
- (7) Пухта состоял в переписке с находившимся в тот момент в Гёттингене Густавом Гуго (1764—1844), который еще до появления основных работ Савиньи и Пухты высказывал взгляды, близкие к тем, которые считаются характерными для «исторической школы права».
- (8) В Бонне преподавали юристы Мориц Август Бетман-Голльвег и Иоганн Христиан Хассе, с которыми переписывался Пухта. Они вместе издавали журнал «*Rheinisches Museum*».
- (9) Зигмунд Циммерн (1796—1830) был с 1826 г. профессором римского права.
- (10) Антон Фридрих Юстус Тибо (1772—1840) — немецкий юрист, в разное время преподавал в Киле, Йене и Гейдельберге. Появление в 1814 г. его брошюры «О необходимости всеобщего гражданского права для Германии» («*Ueber die Nothwendigkeit eines allgemeinen bürgerlichen Rechts für Deutschland*») подтолкнуло Савиньи, активно с ним полемизировавшего, к написанию знаменитой работы «О призвании нашего времени к законодательству и юриспруденции» («*Vom Beruf unserer Zeit für Gesetzgebung und Rechtswissenschaft*»).
- (11) В этой статье Тибо занял противоположную позицию по отношению к Савиньи с его «*Zeitschrift für geschichtliche Rechtswissenschaft*». Ответ Пухты на эту статью опубликован не был, он был подробно представлен самим Савиньи в приложении к его журналу.
- (12) Литературной невосдержанности (лат.).
- (13) Фридрих Людвиг Келлер (1799—1860) был после ранней смерти Пухты его преемником на берлинской кафедре.
- (14) Иоганн Фридрих Людвиг Гёшен (1778—1837) был одним из первых учеников Савиньи и издавал вместе с ним и Эйхгорном «*Zeitschrift für geschichtliche Rechtswissenschaft*». Получив известность благодаря публикации вновь открытых текстов Гая, он с 1821 г. был преподавателем в Гёттингене.
- (15) Шунк был коллегой Пухты в Эрлангене, он издавал «*Erlanger Jahrbücher*», в котором публиковал многочисленные рецензии Пухты.
- (16) Речь идет о поэте Аугусте фон Платен-Халлермюнде (1796—1835), с которым Пухта имел знакомство в Эрлангене. Их общение в разных формах продлилось вплоть до смерти Платена.
- (17) Клеменс Август Карл Кленце (1795—1838) был учеником Савиньи и с 1826 г. профессором в Берлине.

- (18) Puchta G.F. Lehrbuch für Institutionen-Vorlesungen. — München, 1829.
- (19) Эгид Валентин Иоганн Феликс Непомук Фердинанд фон Лёр (1784—1851) был соиздателем «Magazin für Rechtswissenschaft und Gesetzgebung».
- (20) Имеется в виду 14 титул первой книги Институций Юстиниана «О лицах, которые могут быть назначаемы опекунами по духовному завещанию» («Qui dari tutores testamenti possunt»).
- (21) Циммерн был евреем и имел из-за этого большие трудности в академической карьере.
- (22) Плаген написал две сатирические пьесы, «Роковая вилка» («Die verhängnisvolle Gabel») 1826 г. и «Романтический Эдип» («Der romantische Oedipus») 1829 г., взяв за образец Аристофана. Первая из них направлена против современных автору «трагедий судьбы», а вторая — против поздних романтиков.
- (23) Карл Лебрехт Иммерманн (1796—1840) и Эрнст Беньямин Соломон Раупах (1784—1852) — крайне плодовитые писатели и драматурги.
- (24) Карл Август Фёрстер (1784—1841) — писатель и литературовед.
- (25) Эдуард Ганс (1797—1839) — известный гегельянец, занимался философией права. Одним из первых выступил с резкой критикой работ Савиньи.
- (26) *Savigny F.K. System des heutigen Römischen Rechts.* — Berlin, 1840. — 3 Bde.
- (27) Имеется в виду «Zeitschrift für geschichtliche Rechtswissenschaft».
- (28) Кристиан Фридрих Мюленбрух (1785—1843) — юрист, в тот момент преподавал в Гёттингене и был редактором раздела по юриспруденции во «Всеобщей литературной газете Галле» («Hallesche Allgemeine Literaturzeitung»). Его учебник по Пандектам был самым распространенным, пока не появилась соответствующая работа Пухты.
- (29) Фердинанд Маккельдей (1784—1834) — известный юрист своего времени, был профессором в Гельмштедте, Марбурге и Бонне. Его учебник выдержал 14 изданий в Германии и был переведен на многие европейские языки.
- (30) Дух римского права (фр.).
- (31) Это шутка Пухты. Учебник Маккельдея, как и его составитель, получили плохой отзыв, но о Швеппе Пухта был не лучшего мнения, как это видно, к примеру, по его рецензии в «Эрлангенском ежегоднике» (Erlanger Jahrbücher. — Erlangen, 1826. — № 1. — S. 282 f.).
- (32) Ссылка без указания отношения (лат.).
- (33) Карл Филипп Адольф фон Вангеров (1808—1870) с 1840 г. был профессором римского права в Гейдельберге и главным конкурентом Пухты, как в распространении своих книг, так и в академической карьере, особенно в ожидании назначения на берлинскую кафедру преемником Савиньи.
- (34) *Vangerow K.Ph.A. Grundriß der Pandekten.* — Marburg, 1838—1846. — 3 Bde.
- (35) Игра слов. В оригинальном тексте: «...so wird Mühlenbruch in seiner Mühle ein gewaltiger Abbruch geschehen...».
- (36) Hallesche Allgemeine Literaturzeitung.
- (37) *Hans E. Über die Grundlage des Besitzes.* — Berlin, 1839.
- (38) Ответ Пухты был опубликован в Richters Jahrbücher 3. — 1839. — F. 283.
- (39) Вор, жулик, фигляр (фр.).
- (40) Густав Фридрих Хенель (1792—1878) издал фрагментами кодекс Григория и Гермогена в 1837 г., а в 1837—1842 гг. — кодекс Феодосия.
- (41) «Илиада не в послегомеровской, а его собственной редакции» — лат.
- (42) Вильгельм Франц Готфрид Франке (1803—1873) был к этому времени советником высшего апелляционного суда и профессором в Йене.
- (43) Филипп Эдуард Хушке (1801—1886) был романистом в Бреслау.
- (44) Возможно, речь идет о книге *Thibaut A.F.J. Blätter der Erinnerung für seine Verehrer und für die Freunde der reinen Tonkunst.* — Leipzig, 1841.

- (45) Игра слов. Листы бумаги, как и листья дерева, по-немецки «die Blätter».
- (46) Письмо обрывается.
- (47) Фридрих Юлиус Шталь (1802—1861) — юрист и политический деятель. Преподавал в Эрлангене, Вюрцбурге и с 1840 г. в Берлине.
- (48) Позор (англ.).
- (49) Имеется в виду чтение гражданско-процессуального права.
- (50) Вильгельм Эдуард Альбрехт (1800—1876) был с 1829 г. профессором государственного и церковного права в Гёттингене. Был членом «гёттингенской семерки», из-за чего в 1837 г. лишился места и до 1840 г. не преподавал.
- (51) Леопольд Август Варнкёниг (1794—1866) — юрист и историк, с 1836 г. преподавал во Фрайбурге, затем в Тюбингене.
- (52) *Warnkönig L.A. Rechtsphilosophie als Naturlehre des Rechts.* — Freiburg, 1838.
- (53) *Warnkönig L.A. Vorschule der Institutionen und Pandecten. Ein Commentar zu den Einleitungen der lateinischen Lehrbücher des römischen Rechts des Verfassers.* — Freiburg, 1893.
- (54) Карл Франц Фердинанд Бухер (1786—1854) принадлежал к числу сторонников Савиньи и одно время был секретарем историка Иоганна фон Мюллера. Преподавал с 1818 г. частное право в Эрлангене. Несмотря на многочисленные публикации, он был забыт еще при жизни.
- (55) Карл Август Грюндлер (1797—1843) был профессором в Эрлангене и ничем особенным не выделялся.
- (56) Иоганн Фридрих Кирульф (1806—1894) — цивилист, был профессором в Киле.
- (57) Речь идет о журнале ростокского профессора Кристиана Фридриха Элверса «*Themis. Zeitschrift für Doctrin und Praxis des Römischen Rechts*». Во вступлении «*Über den Plan der neuen Folge der Themis*» Элверс заявил, что нужно «совершенно иначе, чем до этого происходило, вникать в доктрину римского права и исследовать его нормы».
- (58) 8 мая 1939 г.
- (59) Ибо этот уголок земли мне милее всех (лат.).
- (60) Работа вышла под другим названием: *Puchta G.F. Einleitung in der Recht der Kirche.* — Leipzig, 1940.
- (61) *Stahl F.J. Die Kircheverfassung nach Lehre und Recht der Protestanten.* — Erlangen, 1840.
- (62) Густав Людвиг Марецоль (1794—1873) — непосредственный ученик и последователь Гуго, юрист, был профессором в Гёттингене, Гиссене и Лейпциге.
- (63) Адольф Август Фридрих Рудорфф (1803—1873) был учеником Савиньи и с 1829 г. преподавал вместе с ним в Берлине. Пухта длительное время состоял с ним в переписке. После смерти Пухты Рудорфф издал новые, переработанные издания некоторых его текстов.
- (64) Карл Теодор Велькер (1790—1869) — немецкий политический публицист, был профессором государственного права в Гейдельберге, Бонне и Фрайбурге.
- (65) Август Вильгельм Фердинанд Шрётер (1799—1865) — юрист, был профессором йенского университета, позже — мекленбург-шверинским министром юстиции.
- (66) «Умаление личности», т.е. ограничение гражданских прав (лат.).
- (67) Слова Пухты совершенно справедливы. Его предок, Иоганн Николаус Пухта (род. 25 апреля 1669 г.), сын Иоганна Пухты, был по происхождению жителем местечка Готтманнсгрюн, к северу от Аша в Богемии; он был архитектором, строителем замков и женился на урожденной Кульмбах. Его сын, Иоганн Генрих Пухта (род. 4 июня 1706 г.) был сборщиком налогов в княжестве Бранденбург-Кульмбах. От его брака с урожденной Хайм происходил дед Пухты, Иоганн Кристоф Пухта (род. 7 мая 1736 г.), который позднее стал священником в Мёрендорфе в Эрлангене. Его жизнь описал его сын Вольфганг Генрих в своей автобиографии «Воспоминания из жизни и деяний старого чиновника».

Вольфганг Генрих Пухта, который, как и его дед, женился на девушке из семьи Хайм, был судьей в Кадольтцбурге и Эрлангене, он был знатоком Пандект и теологом.

(68) Эта работа была издана в 1841 г. и выдержала 9 переизданий в Германии (последнее в 1881 г.).

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Bohnert J.* Vierzehn Briefe Puchtas an Savigny // Nachrichten der Akademie der Wissenschaften in Göttingen. I. Philologisch-historische Klasse. — Göttingen, 1979. — Nr. 2. — S. 21—65.
- [2] *Коллинз Р.* Социология философий: глобальная теория интеллектуального изменения. — Новосибирск, 2002.
- [3] *Кун Т.* Структура научных революций. — М., 2002.

LETTERS FROM G.F. PUCHTA TO F.K. SAVIGNY AS A BACKGROUND SOURCE MATERIAL ON GERMAN PHILOSOPHY OF LAW IN THE 2ND QUARTER OF THE 19TH CENTURY

N.E. Aslamov